

ОБРАТНАЯ СТОРОНА

РАССКАЗЫ
ВЫПУСК 5

Мара Гааг

Ольга Красова

Вера Сорокина

Сергей Лысков

Александр Агафонцев

Рассказы 5. Обратная сторона

Серия «Крафтовый литературный журнал «Рассказы»», книга 5

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54033946

ISBN 9785449866554

Аннотация

Злые сказки или добрые ужасы? В пятом выпуске «Рассказов» вас ждут истории, где любовь цветет в окружении смерти, где препятствием к перемещению могут стать застывшие капли дождя, а потустороннее столь близко, что его ничего не стоит разглядеть в собственном отражении. Страшно милые и жутко увлекательные рассказы в мрачном, но добром выпуске.

Содержание

Рассказы: Выпуск 5. Обратная сторона.	4
Крафтовый литературный журнал «Рассказы»	
Сергей Лысков	5
Часть первая. Приступ правды	5
Часть вторая. Пустырь снов под белой пуговицей	18
Часть третья. Менталист	32
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Рассказы: Выпуск 5. Обратная сторона. Крафтовый литературный журнал «Рассказы»

Авторы: Сергей Лысков, Мара Гааг, Вера Сорокина, Ольга Красова, Александр Агафонцев

Иллюстрации и обложка: ге013 U змееносец

Составитель: Максим Суворов

Корректор: Дина Рубанёнок

Крафтовая литература, 2020

Сергей Лысков

Пособие по эксплуатации токарного станка за 1969 г.

Часть первая. Приступ правды

С пациентом Фогелем случилась необычная ситуация. Шестнадцатилетний Клаус Фогель был уверен, что способен слышать голоса предметов. Естественно, после адекватной терапии шизофренический процесс перешел в ремиссию, и Клауса начали готовить к реабилитационной программе, но буквально перед выпиской состояние ухудшилось. Последовал новый курс терапии – и полное отсутствие эффекта. В этом и была странность: при адекватной терапии – полное отсутствие положительной динамики и нарастание негативной симптоматики. И либо пациент не принимал лекарства, либо требовалось более радикальное лечение. Именно поэтому доктор Рэй Харисон назначил Фогелю курс индивидуальной психотерапии.

– Доктор, вы когда-нибудь пробовали подслушивать? – неуверенно спросил щупленький зеленоглазый паренек, то и дело отводивший взгляд.

– Это не очень этичное действие, Клаус.

– Нет! Подслушивать за предметами! – эмоционально отреагировал больной и тут же подошел к столу. – Можно я возьму стакан? – спросил он.

– Для каких целей?

– Я покажу вам, как это делать.

Взяв стакан возле графина с водой, он быстро очутился возле стены: горлышко к стенке – доньшко к уху. Больной прищурился и начал внимательно вслушиваться.

– Они могут говорить! Они живые!

Как потом пояснил Фогель, способ со стаканом позволял слышать разговоры вещей, находившихся по ту сторону стены. Если это книга, то она рассказывала о написанном в ней. Если это часть мебели, то диалог шел о привычках хозяина. И, слушая стены таким незамысловатым способом, Клаус Фогель узнавал много нового и интересного о тайнах людей. Как заверял пациент, вещи очень разговорчивы, особенно по ночам. В дневное время звуки, издаваемые живыми предметами – в его понимание это люди – только мешали, создавая ненужный фон.

Записав все это в историю болезни, доктор Рэй Харисон попросил санитаров проводить больного в палату. Его рабочее время в психиатрической клинике подходило к концу, и детальный разбор беседы с пациентом Фогелем он решил отложить на завтра. В ежедневнике при этом написал: «Выяснить причины обострения бреда на фоне адекватной терапии у пациента Клауса Фогеля».

Рэй Харисон занимался психиатрической практикой порядка десяти лет, он являлся главным специалистом в мужском отделении первого эпизода. Полноватый, среднего роста мужчина с очень запоминающимися чертами лица: волевой подбородок с ямочкой, широкие скулы и немножко впалые зеленого цвета глаза. Рэй предпочитал из одежды костюмы и вместо галстука – бабочку. Еще одной неотъемлемой частью гардероба был коричневый кожаный портфель – он, несмотря на потертости и царапины, долгие годы использовался хозяином. Шляпа, портфель и мелкие прижимистые шажки делали доктора Харисона узнаваемым издалека.

Попрощавшись с медперсоналом, Рэй поспешил покинуть клинику. Дома его ждали любящая супруга и два сына, тринадцати и семи лет. Рэй считал себя самодостаточным и успешным человеком: имея хороший доход и любимую работу, он был по-настоящему счастлив. А главными целями его жизни были воспитание детей и совершенствование в нелегком ремесле психиатра.

На следующее утро, детально изучив вчерашний диалог, доктор Рэй Харисон подготовился к беседе с больным. Он прекрасно понимал, что монолитный шизофренический бред всегда имеет слабое место, и если отыскать этот изъян, то возведенная глыба рухнет, как песчаный замок.

– Как ваши разговоры с неживыми предметами? – включив диктофон, очень доброжелательно спросил доктор.

– Вас ожидает посылка, – серьезно заявил пациент Фо-

гель. – И она скоро прибудет – так говорили ваши вещи.

– И что в этой посылке? Вам рассказали об этом *мои* вещи?

– Книга... какая-то очень старая книга, – ответил Клаус, еще больше съезжившись в кресле для пациентов.

Он и так был худощав, а тут еще эта новая больничная пижама не по размеру явно придавала ему болезненный вид. Растрепанные в утреннее время волосы, стеклянный, суетливо бегающий взгляд, тонкие, покусанные до ранок губы – вид Клауса не очень-то отсылал к здравому смыслу.

Но информация о книге насторожила Рэя. О таких интимных подробностях его жизни не знал даже медперсонал, не говоря уже о пациентах.

– Вы лежите в четырнадцатой палате?

– Да, – прищурившись, ответил Клаус.

– Эта палата как раз за стеной. Интересное совпадение, не находите ли?

– Ну конечно же за стеной, а как, по-вашему, я узнал про книгу? Ваши вещи и поведали мне тайну.

– И какой именно предмет рассказал вам о книге? – с долей иронии спросил доктор. – Или это все же было живое существо?

– Нет! – тут же замотал головой Фогель. – Это был стол, – уверенно добавил он. – А кресло подтвердило, что информация верная. Они говорили, что книга – само зло, она проклята, и тот, кто ею владеет, попадает в полосу неудач. Вам

надо будет сжечь ее, пока она не убьет вас.

– Надо же, как... – удивленно прошептал доктор Харисон и тут же продолжил: – А вы знаете, кто ее проклял и почему?

– Пока нет, – усмехнулся Клаус и очень трезво добавил: – Ведь ее еще не доставили.

В этот момент в кабинет постучалась медсестра и сообщила о пришедшем курьере. Рэй сильно удивился: он ждал по случаю посылку из Африки, но не сегодня. В посылке была старинная книга, купленная накануне в одном из антикварных интернет-магазинов. Став невольным свидетелем происходящего, Клаус расплылся в улыбке, всем своим видом выражая: «Я же говорил!»

Возникла небольшая заминка. Рэй даже изменился в лице, понимая, что становится частью бредовой идеи пациента. Это немного пугало и одновременно настораживало. Расписавшись в накладной о получении товара, он отпустил курьера. Улыбающийся Фогель воодушевленно поглядывал на посылку, но Рэй не стал продолжать сеанс психотерапии и вызвал санитаров.

Пребывая под впечатлением от того, что пациент откуда-то узнал про книгу, он сел в кресло и долго не решался открыть картонную коробку из Африки. Коллекционирование старинных книг по медицине – давнее и серьезное увлечение доктора Харисона, в его коллекции около сотни редких и дорогих изданий. И новой покупке сулило стать одной из жемчужин коллекции.

Рэй мысленно перебирал ситуации, когда вслух мог упомянуть о покупке книги – не стол же рассказал об этом большому шизофренией?! И, как назло, ни один подобный случай не припоминался.

– Ладно, – выдохнув, сказал доктор Харисон и стал вскрывать посылку. – Всему есть логическое объяснение, надо только его найти.

Нужной книги по медицине внутри не оказалось. Вместо нее лежало не представляющее никакой коллекционной ценности пособие по эксплуатации токарного станка за 1969 год. Этот факт сильно расстроил Рэя. Он понимал, что нужно было проверить содержимое посылки, прежде чем отпустить курьера. А теперь придется открывать спор в интернет-магазине и как-то доказывать, что товар не соответствует описанию. В порыве гнева он швырнул токарное руководство в урну, но, памятуя о предстоящей не самой приятной процедуре возврата, достал книгу и убрал в стол.

По дороге домой, уже перед поворотом на родную улицу, в машину Рэя на светофоре влетел автомобиль шумной компании подростков. Их внедорожник особо не пострадал, а вот задний бампер Рэя не подлежал восстановлению. После упоминания страховки на случай ДТП подростки, не дожидаясь разбирательств, нагло смылись.

– Эй, вы куда?! Стой! Да твою ж мать! – закричал Рэй, ударив руками о руль, понимая, что не записал номер их автомобиля. – Давай, крутись, крутись! – он пересматривал запись

регистратора в надежде разглядеть на видео номера скрывшейся с места ДТП машины. – И тут облом! Ничего не видно! Сегодня явно не мой день.

Злой, Рэй вышел из машины и стал нервно показывать скопившимся возле места ДТП автомобилистам, чтобы те объезжали. Потом он собрал осколки бампера и поехал домой. В голове крутилась одна фраза: «Что такое „не везет“ и как с этим бороться?» Обвинял ли он во всем таинственную книгу, о которой утром говорил пациент Фогель? Да, такая мысль посещала его пару раз, но, понимая абсурдность предположения, будто книга может привести к несчастиям, Рэй только мотал головой, стараясь выбросить нелепость из головы.

Следующий рабочий день прошел за оформлением историй болезней и корректировкой назначений. Вечером на обходе больных доктор Рэй Харисон намеренно не замечал Фогеля, дабы снизить эмоциональную вовлеченность между врачом и пациентом.

– Как ваша машина? – спросил Фогель.

– Простите, что?

– Бампер починили? Ваш стол говорил, что вы весь день об этом беспокоились.

– А что еще говорил стол? – очень серьезно спросил Рэй и тут же попытался вспомнить, не разговаривал ли он слишком громко по телефону.

– Доктор, вам надо сжечь книгу! Книга – виновница по-

лосы неудач! – сказал Клаус и пристально посмотрел в глаза Рэю, что по меньшей мере было необычно: Клаусу Фогелю всегда трудно давался визуальный контакт, а тут такая смелость и уверенность во взгляде. Все говорило о резком обострении шизофренического процесса. Рэй даже перепроверил назначения, но история болезни была в порядке, лекарства выдавались и, как следствие, употреблялись, оснований не доверять листу назначения пока не было.

– Не забываем пить таблетки, – сказал доктор и, подойдя к санитарам, добавил: – Проследите, чтоб все выпили.

– Мы всегда следим, доктор. Просим открыть рот, показать язык, все как положено.

– Очень хорошо, проверяйте тщательнее, – ответил Рэй Харисон и вышел из палаты.

До дома он добрался без приключений. Да и там все было тихо и спокойно. Теплота и домашний уют быстро переключили разум, и уже через полчаса Рэй не думал ни о Клаусе Фогеле, ни о его казавшемся невероятно правдивым бреде, ни о якобы проклятой книге, да и вообще о работе в целом. Он играл с сыновьями в «Монополию» и пил клюквенный морс. Что может быть лучше такого вечера в кругу семьи?

На следующий день, перелистывая злополучную книгу, Рэй неожиданно наткнулся на бессмысленный ряд рун и пик-

тограмм. Причем он-то понимал значение таких символов, как скандинавских, так и древнерусских, но вот логики в их написании не было никакой. Особенно с учетом того, что данное пособие было технической литературой. Создавалось впечатление, что их дорисовали специально для создания какого-то мистического эффекта. И сделано это было так грубо и безграмотно, что он невольно задумался: а знал ли автор рисунков суть изображенных символов?

– Вы видели страницу шестьдесят шесть? – первым заговорил о символах Клаус.

– А что там?

– Там руны зла, – очень тихо, словно чего-то опасаясь, сказал он.

– О какой книге идет речь? – делая вид, что не понимает, спросил доктор.

– Той самой, доктор, – еще более таинственно ответил Клаус и тут же добавил: – Которая у вас в ящике стола. Обязательно откройте страницу шестьдесят шесть, ваш стол сказал, что по ночам от книги исходит нестерпимый жар, он даже боится погнубнуть в огне. Скажу вам по секрету, мне удалось подслушать разговор самой книги: она сказала, что как только символы на странице шестьдесят шесть удвоятся, ваша участь будет предрешена. И огонь рун поглотит все!

– Я вас слышал, – после небольшой паузы улыбнулся Рэй и встал, давая понять, что прием окончен.

Санитары проводили пациента в палату, а Рэй, как только

остался один, открыл книгу на указанной странице. Тут были начертаны АЛЬГЕЗ (руна жизни), потом шел перевернутый древнеегипетский символ АНГ, потом опять АЛЬГЕЗ, и тут же шла руна УРУЗ (зубр), потом шла перевернутая пятиконечная звезда, а за ней руна БЕРКЕНА (береза), и снова звезда, но уже в круге. В символах не было никакой логики. И единственное, что наводило на размышления, та невероятность совпадения с номером страницы, на которую указал Клаус Фогель. Этот маленький факт, как последний кусочек пазла, воссоздал истинную картину произошедшего.

Рэй спешно вошел в палату и, подойдя к окну, увидел больничную автостоянку: из окна хорошо просматривался автопарк сотрудников больницы. Вывод о том, как пациент мог узнать про разбитый бампер, напрашивался сам собой. Потом доктор отправился в комнату младшего медицинского персонала, и первым вопросом к постовой медсестре было:

– Анэт, а где вы были прошлой ночью?

– Я? – слегка покраснела и растерялась Анэт, но, собравшись, ответила: – Простите меня, доктор Харисон, это все Хью виноват. Но у нас все серьезно. Он намерен посвататься на днях, так что не подумайте, что я какая-то распутная женщина... – оправдывалась юная медсестра. – Мы просто так увлеклись друг другом, что провели всю прошлую ночь в подсобке.

– Палата номер четырнадцать была открыта?

– Пожалуй, да, но они тихо себя вели. Вряд ли кто посмел выйти, – говорила Анэт, еще больше краснея. – Они не способны на глупости. А что-то случилось?

– Ладно, не переживай, Анэт, все хорошо, – ответил доктор Харисон. – Просто впредь не смешивай личное с работой. Надеюсь, мы договорились?

– Конечно, доктор Харисон, простите меня.

– И еще один момент, нам надо будет осмотреть четырнадцатую палату, у меня есть подозрения, что пациент Фогель не принимает лекарства.

– Да, конечно, доктор Харисон.

Как потом выяснилось, пациент Клаус Фогель уже неделю имитировал прием лекарств, и, как следствие, бредовая активность его безумно сложного мозга возросла. Под матрасом нашли десятка два таблеток. В какой-то мере они объясняли столь необычное поведение Фогеля. Санитары получили выговор за халатное отношение к обязанностям, а процедуру приема лекарств сделали еще строже.

Пазл, как говорится, сошелся, оставалось одно незаконченное дело – купленная для коллекции книга. На удивление доктора Харисона, продавец извинился и дал заверения, что вышлет свой личный экземпляр книги. Поэтому по истечении сорока дней долгожданная посылка из Южной Африки была на столе Рэя.

– Что за чертовщина! – не веря своим глазам, говорил он. – Пособие по эксплуатации токарных станков за 1969 год.

Вы, наверное, шутите? – перелистывая книгу, недоумевал доктор Харисон. – Еще скажите, что на шестьдесят шестой странице те же самые руны!

И каково было его удивление, когда обнаружили точно такие же символы, старательно кем-то начертанные в абсолютно идентичной книге. Дрожащей рукой он попытался налить воды, когда что-то с силой сдавило мышцы за грудиной, и, потеряв сознание, Рэй Харисон рухнул на пол. При падении он задел вешалку, и та очень неудачно подперла входную дверь. Время, потраченное на взламывание двери, по сути, отняло шансы на спасение доктора. Врачи скорой помощи провели реанимационные мероприятия, но усилия оказались тщетными. Посмертный диагноз звучал так: обширный инфаркт задней стенки правого предсердия.

В ту же ночь в опечатанном полицейскими кабинете доктора Харисона произошел пожар. Расследование установило, что очаг возгорания находился в столе доктора, но сам источник возгорания так и не был найден.

Часть вторая. Пустырь снов под белой пуговицей

Ведущий популярного шоу про экстрасенсов и магов изрядно нервничал: до эфира оставалось полчаса, а менталист Клаус Фогель еще даже не гримировался. Антуан Фоч грешным делом подумал учинить скандал в редакторской за такое пренебрежительное отношение к его ток-шоу. Но проблема была в самом менталисте – он забыл про эфир и под люющей-ся литрами алкоголь весело проводил время на закрытой вечеринке друга. Так что под угрозами штрафов и расторжения договора его еле-еле вытянули на эфир. Тем более, что передача была инициирована промоутерами самого Фогеля.

– И что сказал этот полоумный? – гримируясь, спросил Антуан.

– Будет только через час.

– Он вообще в курсе, что эфир через двадцать минут?

– Может, первыми поставим родителей подростков? Они расскажут свою версию трагедии, а как прибудет звезда, преподнесем все как некую проверку его способностей. Будет возможность на всю страну опозорить выскочку.

– Как я не люблю такие переделки, – вздохнул телеведущий. – Это весь план эфира переписывать. Может, отменим съемку?

– Нельзя, адвокаты Фогеля нас сожрут, он проплатил

трансляцию.

– Хорошо, делаем передачу, – недовольно заключил Антуан. – Предупреди родителей, что они первыми будут говорить о трагедии. И текст эфира подкорректируйте.

– Уже делаем, не беспокойся, Антуан.

Помощники и редакторы исполнили все в лучшем виде, в кратчайшие сроки перекроив сценарий. В первой половине передачи убитые горем родители Александра и Маргариты поведали всем истории жизни их детей. Трагедия, которая потрясла общественность, произошла в маленьком городке на севере страны: двое подростков умерли в один день. Сначала полиция выдвинула версию о жертвенном убийстве, но факты и отсутствие состава преступления привели к закрытию дела с формулировкой «суицид».

Происшествие практически сразу получило массовую огласку, пресса мусолила мотивы поступка подростков, выдвигая самые жуткие и нелепые версии. Но истинных причин так никто и не выявил. Потом разговоры об истории – как прозвала их пресса, «Ромео и Джульетты», – поутихли. И вот знаменитый Клаус Фогель неожиданно для всех решил в прямом эфире провести сеанс разговора с вещами погибших, дабы, как он выразился, пролить свет истины на это преступление.

– Мы приветствуем в нашей студии знаменитого менталиста Клауса Фогеля, – протягивая руку гостю, говорил ведущий.

– Очень приятно, Антуан, красивый костюм! – подмигнув, сказал Клаус.

– Спасибо. Жалею, что не могу передать ответ костюма.

– И не надо, я и так его слышу. Скажу вам по секрету, вы нравитесь ему больше, чем прежний владелец! – Клаус Фогель широко улыбнулся. – И кстати, он говорит, что родители подростков уже побывали в студии, они за ширмой.

– Хм, – от удивления Антуан немного ступешался, но, понимая, что он в прямом эфире, продолжил: – От вас ничего не утаишь, господин Фогель, я, честно сказать, пребываю в некоторой растерянности... Чтобы наши зрители понимали, что именно сейчас произошло, пусть покажут кадры за кулисами, на которых видно, что наш гость буквально пять минут назад прибыл в телецентр и знать о происходящем ну никак не мог.

– Мог, – ответил Клаус. – Если смотрел шоу по телевизору, мы же в прямом эфире, как я понимаю.

– Ха-ха, – Антуан даже рассмеялся от столь простого объяснения. – Вы меня второй раз удивили, господин Фогель, но давайте начнем наше расследование.

В свои сорок лет Клаус Фогель выглядел на тридцать с небольшим. Заостренные черты лица, тонкие губы и впалые зеленого цвета глаза в сочетании с худощавым телом делали его на вид сильно моложе настоящего возраста. На нем были белая сорочка, замшевый черный пиджак и темно-синие джинсы – ничего примечательного и особенного. В меру

успешный мужчина средних лет.

Клаус прославился в тридцать три. Он появился буквально из ниоткуда, пришел на популярное шоу экстрасенсов и с первых минут передачи покори́л всех. Его умение слушать мысли вещей было и абсурдным, и уникальным одновременно. Одни считали это бредом, а другие – некой ментальной способностью считывать информацию о владельцах вещей на энергетическом уровне. Споров по этому поводу было много, что, впрочем, не помешало самому господину Фогелю сначала разбогатеть, а потом открыть собственную школу и обучать всех желающих ментальным техникам.

Передача про гибель подростков была хорошо продуманным рекламным ходом: оставалось только всех поразить уникальным даром господина Фогеля.

– А как вы получили свой дар?

– Ладно, если уж у нас вечер откровений... – начал

Клаус. – Мне подарила его книга.

– Вы прочитали ее?

– Нет, я заключил с ней сделку.

– С книгой?

– Она озвучила мне набор рун, которые давали способность говорить с любыми предметами.

– А у этой книги есть название?

– Пособие по эксплуатации токарных станков за 1969 год, – вполне серьезно ответил господин Фогель.

Антуан замешкался. Понимая всю нелогичность сказан-

ного, он взглянул на редактора за кулисами – тот развел руками: мол, я сам не понимаю, что происходит, потом посмотрел на сохранявшего невозмутимость менталиста. И эта пауза ломала весь сценарий программы.

– Вы серьезно?

– А-а, купились! – расплывшись в улыбке, сказал Клаус. – Ну кто же будет раскрывать свои секреты в прямом эфире на всю страну?

– Да уж, веселый у нас с вами эфир получается... Но давайте перейдем, собственно говоря, к расследованию. Как вы и просили, мы раздобыли личные вещи подростков, те, которые были с ними последние сорок восемь часов их жизни. Прошу за мной, господин Фогель.

В соседнем павильоне царила пугающая тишина: по условиям программы Клаус должен был остаться один в комнате. У него с собой были карандаш и бумага. Менталист решил записывать речь предметов в состоянии транса.

Шоу началось.

В полной тишине и полумраке сидел господин Фогель. Обычные, на первый взгляд, вещи лежали кругом. Взмах руки, тайные слова, произнесенные мысленно, и сеанс начался. Клаус записывал каждое слово, что появлялось в столь необычной беседе. На камере действие выглядело немного странным: человек смотрит на предмет, а потом что-то быстро пишет на листке бисерным почерком. И поначалу публика подшучивала над всем происходящим, но, как только

редакторы стали субтитрами выводить на экран написанное Фогелем, возмущения стихли, и зал заворуженно принялся читать слова неживых предметов.

Телефон: Можно? Можно я начну первым? Я, кажется, знаю про моего хозяина больше, чем кто-либо из вас.

– Ну начни, – сказал менталист.

Телефон: Ой, а с чего же начать? Хотя нет, я, кажется, знаю, с чего начать. Первое SMS-сообщение, которое отправил мой хозяин, было банальное: «Привет, как дела в вашей палате?» Она ответила: «Скучно...» И понеслась переписка, но я, конечно, не буду все зачитывать, тем более часть SMS хозяин удалил.

– О чем они переписывались, телефон?

Телефон: О капельницах, о врачах, о солнце, о тучах, о дожде, о сердце, о мечтах, о погоде, о любви, о сказках и прочем, и прочем. У меня порой заряда батарейки не хватало, а они все переписывались.

– Они писали только SMS-сообщения или были звонки?

Телефон: Постойте-постойте! Сейчас покопаюсь в памяти... А ведь был один звонок со странной фразой: «В полночь возле огромного дуба на пустыре снов». Я еще подумал: где они такое место найдут – «пустырь снов»? Кстати, после этого звонка хозяин и забыл меня в палате. Да, и после этого звонка абонент Рита больше не писала и не звонила, а потом у меня села батарейка, и больше я не видел своего хозяина.

Кровать: Дальше я расскажу! Твоему хозяину накануне

ночью приснился пустырь снов, он все время шептал в подушку: «Мне поможет пустырь снов, я нашел его, он рядом, мой пустырь снов». Ты, телефон, говоришь, что знал лучше своего хозяина, но я скажу, как все было после того, как он спрятал тебя под подушкой.

– Рассказывай, – дал ей право голоса Клаус.

Кровать: И расскажу... В тот день парнишка куда-то собрался уйти.

Телефон: С чего ты взяла, кровать?

Кровать: Хозяин обычно по утрам уходил на пару часов, а когда возвращался, от него пахло кремом, и тело его было теплее, чем прежде. Потом приходили люди в белом, они всегда что-то трогали, слушали и говорили о какой-то болезни у парнишки, а после обеда он спал или с родными уходил гулять. С чего я это взяла? Да потому что обувь, которую он надевал на улицу, всегда стояла подо мной, а в другой он ходил по палате. В ту ночь он спрятал обувь, в которой ходил по больнице, и надел уличную.

Ботинки: Да, да! Нас надел!

Кровать: Не перебивайте, ботинки.

Телефон: Мой хозяин чем-то болел?

Кровать: Конечно, болел! Я больничная кровать, телефон, на мне только больные и лежат. Глупый телефон!

– Не ссориться! – остудил их пыл Клаус и тут же спросил: – И куда же пошел парнишка?

Кровать: Увы, я не знаю.

Ботинки: Мы! Мы знаем!

– Рассказывайте.

Левый ботинок: Я с хозяином пошел на улицу.

Правый ботинок: А я, значит, не пошел?

Левый ботинок: Ну хорошо, я и этот пошли с хозяином на улицу. Сначала дорога была холодной и темной.

Правый ботинок: Это мы шагали по больнице.

Левый ботинок: Не перебивай, кто рассказывает – я или ты?

Правый ботинок: Хорошо, не буду.

Левый ботинок: Так вот, потом дорога стала светлее.

Правый ботинок: Вышли на улицу.

Левый ботинок: Ты опять?!

Правый ботинок: Прости, я больше не буду.

Левый ботинок: Итак! Светлая дорога закончилась, и началась пыльная узенькая дорожка, потом и та закончилась, и я пошел по траве; свет падал только от небольшого круга на темно-синем покрывале с блестящими бусинками.

Правый ботинок: Не он, а мы пошли.

Левый ботинок: Хорошо, я и этот.

Правый ботинок: Ты расскажи про туфельки, те, с ромашками.

Левый ботинок: Не торопи меня. Я немного походил по траве, и потом встретил обворожительную...

Правый ботинок: И изящную!

Левый ботинок: Левую туфельку, а твоя правая туфель-

ка была разношена, как старая калоша.

Правый ботинок: Моя ромашечка?

Левый ботинок: Конечно, да! Правые все такие – вечно грязные, подранные, изношенные. Не то что мы – левые.

Правый ботинок: Да ты! Да ты! Ты сноб напыщенный и эгоист!

Левый ботинок: А я вот как ударю тебя за эти непонятные ругательства при случае.

Кровать: Тихо! Вы мне тут еще подеритесь, обувь.

Ботинки: Простите нас.

– Что дальше было, левый и правый ботинки? – спросил Клаус.

Правый ботинок: Ой... А я забыл.

Левый ботинок: Не умеешь рассказывать, не берись. Я познакомился со своей Джульеттой, той, которая вдохновляет, и будь я поэтом...

Правый ботинок: Хм-м. Будь он поэтом! Наслушался умных слов, а самого спроси, и знать не знает, что такое поэт.

Левый ботинок: Влюбленного каждый может обидеть. Моя левая туфелька с ромашкой на боку – самое лучшее, что случилось со мной жизни, а тот поцелуй, когда мы дотронулись друг до друга носиками, я не забуду никогда.

Правый ботинок: А потом мы расстались с ними. И тут же набежала куча туфель, сандалий, кроссовок, и нас куда-то повезли с сиренами и мигалками.

Левый ботинок: Именно так и было, правый. После того

дня я больше не видел свою Джульетту.

Правый ботинок: А я – свою.

Левый ботинок: Да твоя растоптанная туфля и рядом не стояла с моей Ромулей.

Правый ботинок: А вот теперь я точно ударю тебя при случае.

Кровать: Тихо, обувь!

Кепка: Можно? Я хотела бы кое-что дополнить.

– Рассказывай, кепка, – дал ей слово менталист.

Кепка: Я не уверена, но, возможно, мой хозяин встречался с абонентом Ритой.

Телефон: Не может быть! Ты ее видела?

Кепка: Кажется, да. Она невысокая худенькая девочка с темными волосами. У нее большие глаза, черные, но теплые. Она казалась хрупкой и бледной в свете белой пуговицы на темно-синем покрывале. Люди почему-то называют покрывало небом, а белую пуговицу – луной. Чудные!

– Так у них было свидание?

Кепка: Да, и было такое ощущение, что у нее что-то болит.

Телефон: Сердце! Это именно абонент Рита! Ты права, кепка, она такая, как ты ее описывала, я помню, хозяин пытался ее фотографировать. А болело у нее сердце, именно сердце.

– А что у нее с сердцем, телефон?

Телефон: Ой, хозяин как-то получал SMS-сообщение,

так в нем абонент Рита говорила о какой-то неизлечимой болезни сердца.

– Что же было дальше, кепка?

Кепка: Они целовались.

Левый ботинок: Как и я.

Правый ботинок: Подумаешь, повезло.

Кепка: А потом мой хозяин начал кашлять и задыхаться.

Абонент Рита стала кричать и звать на помощь. Мой хозяин упал на траву, я слетела с его головы, а когда меня подняли, то хозяин уже лежал на кровати в машине с разноцветными лампочками, которые освещали все в синий и красный цвета. И люди бегали вокруг, все время что-то щупали, трогали у хозяина. Потом мы куда-то поехали, стоял невыносимый гул сирен. Ехали мы недолго, там нас встретили другие люди в белом, и моего хозяина переложили на другую кровать с колесиками и куда-то повезли.

Цепочка и крестик: Дальше я расскажу, что было. Потому что, когда с хозяина сняли одежду, я многое увидела.

– Ну, рассказывай, цепочка с крестиком, – позволил ей говорить Клаус.

Цепочка и крестик: Прямо в рот хозяину вставили трубку со шлангом, который вел к странной машине. Она все время пыхла и шумела. Все вокруг было грязно-белого цвета. К хозяину то и дело подходили люди в белом, они либо говорили о чем-то, либо трогали его грудь такой странной штукой с двумя трубочками, вставленными в уши. А хозяин

спал.

Реанимационная кровать: Он был в коме!

Ботинки: А что такое «кома»?

Реанимационная кровать: Это когда... А я не знаю, что такое кома. Просто так говорят люди в белом... и вообще на мне люди умирают, как правило.

Ботинки: А что такое «умирают»?

Кровать: Это когда люди ломаются или изнашиваются, портятся, рвутся, становятся старыми и ненужными.

Левый ботинок: И их выкидывают?

Реанимационная кровать: Не знаю, их увозит куда-то каталка.

Левый ботинок: Абонент Рита, наверное, плакала? Хозяин всегда так делал, когда грустно.

Реанимационная кровать: Она лежала рядом с вашим хозяином. Ее увезла каталка чуть позже.

Телефон: Это было сердце. Да! Да, у нее разрядилось сердце. Хотя, если бы знать, что такое сердце, хоть раз бы его увидеть, а то хозяин столько раз о нем говорил, а показать так и не показал.

Цепочка и крестик: А вы не покажете нам сердце?

Все вещи: Да, да! Покажите.

Но Клаус грустными глазами смотрел на вещи, понимая, что не сможет выполнить их просьбу. Сеанс необычного диалога был окончен.

После того, как Клаус вышел из съемочного павильона,

родители подростков просто засыпали его вопросами, у каждого были свои выводы о причине гибели детей.

– Мы нашли в переписке Риты сохранные СМС о так называемом пустыре снов, – говорила мама девочки. – Наши дети верили, что это место священное. Что вы скажете по этому поводу?

– Это просто место, – улыбаясь, ответил Клаус. – На планете практически не осталось червоточин других миров, все порталы для энергии заблокированы древними постройками, или на их местах растут вековые леса. Пустырь снов – громкое название того, чего нет. Обычный дуб и пустырь возле больницы. Гибель ваших детей – роковая случайность.

– То есть ничего сверхъестественного там нет? – спросил отец парнишки.

– У парня была астма, а он ночью пошел на поле, где сотни аллергенов, а у девушки было слабое сердце. Смерть возлюбленного на ее глазах вряд ли можно назвать типовым событием. Не ищите необычного в их смертях, они умерли по неосторожности, это несчастный случай, не более... – неожиданно Клаус замолчал, словно вслушиваясь во что-то на одежде собеседника. – Ваша зажигалка говорит, вы каждый четверг приносите цветы к тому месту, а потом сидите и курите до полуночи, это так?

– Да, – испуганно прошептал отец парня, не понимая, как можно знать такие подробности.

– Перестаньте так делать, шестьдесят седьмого посещения

не будет.

– Вы же сказали, что место обычное.

– И это правда, место обычное. Просто вы лично не ходите туда больше, и все. Шестьдесят седьмого посещения не будет – это правда, которую не надо проверять.

– Да, конечно, – ответил отец парня. – Спасибо за предостережение.

– Не за что, а теперь прошу извинить меня, но мне надо отдохнуть, я очень много сил потратил на сеанс разговора с предметами.

В интервью после эфира родители хоть и восхищались способностями менталиста Фогеля, но нотки скептицизма по поводу обычности пустыря за больницей выказывали. Им не хотелось верить в отсутствие чего-то злого и таинственного, связанного с местом гибели их детей. А когда в очередной четверг там произошла трагедия, пьяные подростки на смерть забили взрослого мужчину, к пустырю за больницей навсегда приклеилась молва о проклятии.

Часть третья. Менталист

Сначала показалось, что все замедлилось, но потом стало понятно, что все просто остановилось: машины, птицы, люди, двери в отъезжающем автобусе, женщина, пытающаяся в него войти. Даже листья тополя и пыль, задуваемые ветром на остановку, замерли. Это было невероятно: весь видимый до горизонта мир, словно в современном кино, остановился на очередном кадре.

Джон помотал головой и от удивления протер глаза, он даже подошел к пытавшейся залезть в автобус женщине и тронул ее, но – ничего, никакой реакции. Он попробовал потянуть ее за руку, но она была неподвижна, точно вылитая из металла.

«Какая неестественная прочность», – подумал он и попробовал взять листик, застывший в воздухе перед машиной, но и это оказалось невозможным. Шутки ради он попытался на него встать, и каково было удивление, когда хрупкий с виду листочек даже не прогнулся под его весом.

– И что теперь? Что произошло с миром? – сказал он, спрыгнув на землю.

Он шел и рассматривал прохожих по пути домой – единственное занятие, которое пришло в голову в такой необычной ситуации. Мир остановился, когда он пребывал на автобусной остановке напротив работы. Джон Тофи работал ак-

тером в городском театре. В свои сорок пять лет он чертовски плохо выглядел: желтые от никотина зубы, землистого цвета лицо, нисходящие синяки под глазами от недосыпания и злоупотребления алкоголем, безразличный взгляд, каштановые с сединой короткостриженные волосы и непрерывный тремор рук. Для актерского ремесла его внешний вид был неприемлем, ну разве что играть в гриме на детских спектаклях.

В самом начале карьеры Джон Тофи снялся в парочке эпизодов и умудрился навсегда поссориться с одним влиятельным продюсером, уведя у того жену. Остальные двадцать пять лет трудовой деятельности ему пришлось провести в маленьком провинциальном театре. Первый брак распался через два месяца жизни в провинциальной городке, а второй начался, когда Джону исполнилось сорок два года. Молоденькая актриса убедила спивающегося господина Тофи, что в сорок жизнь только начинается и его карьера еще может сделать крутое пике на пути к славе. Хотя за кулисами поговаривали о материальном интересе девушки: Джонатану от родителей досталась трехкомнатная квартира в центре города. Но это, как говорится, было их личным делом.

До дома Джон добрался быстро. Дверь в подъезд оказалась распахнута: курьер, доставляющий пищу, замер в минуту ее открывания, и на лестничной площадке Джонатан застал свою супругу, целующую в губы коллегу и друга. Тот сегодня утром отпрашился по состоянию здоровья с репети-

ции. Они так и замерли: на ней шелковый халат на голое тело, а он с улыбкой держит ее за бедра и целует на прощание.

Джон с силой ударил друга, но кроме дикой боли в кулаке ничего не последовало. Даже одежда на «друге» не помялась от удара.

– Вот тварь! – ругался он и бил то жену, то бывшего товарища. – Грязная похотливая тварь!

Разбив кулаки до глубоких ран, он сел на пол подъезда. Крови не было. А ранки тут же стали затягиваться.

– Да что же такое со мной произошло?

Очень странный по физическим меркам мир: все, что имело форму и объем, было невероятно твердым, его собственная одежда в складках и вмятинах была монолитной, но одновременно с тем двигаться он мог. Джонатан попробовал залезть в карман за ключами, но не смог просунуть руку. Пиджак, брюки, сорочка и туфли стали продолжением кожи.

Он попробовал заорать в надежде, что ему станет легче. Но звук не давал эха, словно Джон пребывал в открытом поле. Воздух казался недвижимым – ни малейшего колыхания. А когда Джон стал прислушиваться к своему организму, то понял, что не дышит, а сердце его не бьется. Невозможно было моргать и плевать, во рту не было слюны. В его теле вообще отсутствовала жидкость, только кости, мышцы и кожа. Размышления привели Джона к единственно разумному выводу: это была смерть, а мир вокруг – то, что ожидает нас после гибели.

– А где рай и ад? Или одиночество в застывшем мире – и есть мой ад? – усмехнулся он и тут же добавил: – Нет, так дело не пойдет!

Джон помнил, что на последнем этаже хозяйка дома всегда держит открытым лаз на чердак. Мысль осмотреть город с высоты посетила его с самого начала, он хотел проверить, насколько глубоко проникло замирание. Вдруг всему виной какой-нибудь военный эксперимент, и в паре кварталов течет размеренным темпом привычная жизнь.

– Огромное спасибо за бдительность, – вскарабкиваясь на чердак, говорил сам с собой Тофи. – А вот и мой выход отсюда! Сейчас посмотрим, где конец этому замиранию.

Увидев открытое окно на веранду, он не задумываясь вылез на крышу. Весь видимый город был недвижим. Где-то в глубине неба что-то светилось, но Джон принял свечение за застывшие солнечные блики. В то самое мгновение он испытал давно забытые чувства ужаса и безысходности, будто застрял в нелепом сне и никак не мог проснуться. Мир был неизменен: он мог его видеть, мог трогать и даже слышать, но не мог заставить двигаться.

– Да поможет мне бог! – в отчаянье прошептал Джонатан и прыгнул с крыши.

Падение было болезненным и крайне неприятным. Он приземлился на коленки и руки – в самый последний момент сработал инстинкт самосохранения. Сломав все четыре конечности, Джон долгое время, корчась от боли, валял-

ся на асфальте перед домом. Неимоверная боль, звук лопающейся от удара плоти, рвущихся мышц и трескающихся костей... Разум не покидал Джонатана, он прочувствовал каждую секунду неудачной попытки уйти из этого мира. Однако все раны затянулись, разрывы, переломы, ссадины, словно при ускоренной съемке, заросли на глазах. После новой попытки лицо и переломанная шея заживали чуть дольше, но, как и в случае с руками и ногами, исцеление вершилось, оставались лишь маленькие рубцы, как некое клеймо за попытку нанести себе вред. После третьего раза стало понятно, что умереть в остановленном мире нельзя.

– Надо заставлять себя двигаться. Иначе я умом тронусь в такой тишине! – произнес Джон и вдруг заметил, как в окне напротив засветился застывший человек. – Либо у меня галлюцинации, либо это что-то новенькое. Как бы к нему пролезть?

Мужчина средних лет в момент остановки мира, по всей видимости, собирался открыть форточку, чтобы впустить кота.

– Что такое? Оно то появляется, то исчезает! – рассматривал новое явление господин Тофи. – Получается, что не все так стабильно в этом мире. А что, если свечение связано с выходом отсюда?

Однако до светящегося человека было не добраться: дверь в его комнату была закрыта, а разбить руками стекло в остановившейся реальности не представлялось возможным ни с

какой стороны. И все же в душе Джона затеплилась надежда, ведь раз есть один, значит, должны быть и другие люди, подверженные столь необычному явлению. Что-то подсказывало ему, что сияние как-то связано с выходом из этого мира.

Розыск светящихся людей во внезапно застывшей реальности он решил начать с севера. Проблем в передвижении не было: все предметы, все, что имело физическую форму, было монолитным и неподвижным. Можно ходить по воде, прыгать по птицам, забираться по листьям на верхушки деревьев. Движение в любом из четырех направлений по сути ничего не ограничивало.

Сложности возникли с погодными явлениями. При дожде через толщу застывших капель воды невозможно было протиснуться. На севере же проблемой стал снег. Снежинки царапались, нанося микротравмы. Туман был словно вата, и чем он гуще, тем труднее в нем передвигаться. Пещеры опасны отсутствием освещения, а пропасти и овраги могли стать вечными ловушками, если нечаянно в них провалиться.

Джон заметил, что солнце тоже замерло и лишь слегка меняло угол в зависимости от того места, где он находился. Это привело его к выводу, что вся планета застыла после его смерти. Еще одним открытием стали животные, насекомые и птицы, которые имели такое же перламутровое свечение. Но то ли Джону так сильно не везло, то ли в том была издевка Провидения – дотронуться до светящихся существ никак не удавалось: либо высоко, либо скрыто за непреодолимыми

препятствиями. Свечение появлялось и исчезало хаотично, без какой-либо логики. И чем дольше Джон искал выход, тем чаще посещали мысли о бессмысленности и невозможности его отыскать.

Идея проверить на свечение знакомых пришла не сразу, но, когда в очередном городе он из любопытства заглянул к родственникам по материнской линии и увидел исходивший от племянника свет, его прямо озарило. «Если предположить, что мое сознание сейчас находится в душе, и она застряла между мирами, то лишь те, кто помнит обо мне в движимом мире, являются выходом отсюда».

Родственников у Тофи было немного, друзей вовсе не было – только десятка два знакомых и поклонники его творчества. Небольшой список приближенных закончился довольно-таки быстро. Потом пошли случайные люди, кто помогал или вредил Джону по жизни, но и там не оказалось искомого сияния.

Джон наткнулся на Клауса случайно. Наведываясь теперь уже к каждому человеку, кого так или иначе знал при жизни, он забрел в частную психиатрическую клинику. Там ему доводилось лечиться от пристрастия к алкоголю. Он хотел увидеть своего лечащего врача Орела Сен Тура. Седой темнокожий профессор сидел в кресле заведующего в окружении ординаторов. Время у них остановилось в момент внепланового совещания. Молодой ординатор с гримасой явной обеспокоенности чем-то произошедшим держал в руках ис-

торию болезни, словно что-то доказывая коллегам. В этой застывшей сцене, если присмотреться, все были заняты чем угодно, только не совещанием. Темнокожая женщина за первым стулом застыла в попытке удалить SMS-сообщение с пикантным текстом. Сидевший рядом с ней полный мужчина почти дремал, главный врач застыл, рисуя на бумаге невнятный узор. И, наконец, еще одна женщина замерла, поглядывая на свой электронный браслет.

«Пациент Клаус Фогель: делирий, осложненный смешанным употреблением психотропных веществ. Возраст 62 года. Анонимная палата № 6», – прочитал Джон из того, что можно было увидеть на медицинской карте.

«Знакомое имя... наверное, важная птица – за анонимность всегда платишь большие деньги», – подумал он и решил, что хочет узнать судьбу пациента. Тем более когда-то именно в шестой палате он и сам лечился от запоев.

Клаус Фогель лежал неподвижно в смирительной рубашке. На первый взгляд он казался живым, по крайней мере цвет его кожи не был серо-синим, каким мог быть в случае гибели до момента остановки мира. Глаза его были закрыты, и, правду сказать, по виду было не определить, с чем связана столь оживленная дискуссия в кабинете главного врача.

Джонатан вошел в открытую палату, и его внимание тут же привлекло перламутровое сияние книги на журнальном столике.

– О мой бог, ты, наверно, шутишь! – радостно прошептал

он, подойдя поближе к книге.

– Эй, чудик, ты реальный? – заметив незваного гостя, тут же окрикнул его Клаус.

Удивлению не было предела. Джон даже позабыл про книгу и подбежал к заговорившему с ним человеку. Он трогал его волосы, кожу головы, нос, губы, словно проверяя, не сошел ли он сам с ума.

– Хватит, ты чего? – возмущенно говорил Клаус, двигая головой в разные стороны. – Ты что, не видел больных в смиренных рубашках? Ну ты и придурок!

– Я Джон.

– Да мне все равно, кто ты, – негодовал Клаус, двигая головой в разные стороны. – Медсестру позови, пусть меня развяжут.

– Они все замерли, мир остановился. Я не могу никого позвать.

– Как замерли? Что за бред! – возмутился Фогель. – Я тут вечность лежу недвижимый. Я отвалил огромную кучу денег за эту палату, медперсонал обязан по щелчку приползать ко мне. Ты хоть понимаешь, кто я такой? – говорил он, но молчание Джона заставило его повысить голос: – Ты издеваешься, урод? Я же выберусь из этой рубашки и размозжу твое лицо в кровь! Слышишь меня? Тварь, позови медсестру!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.